

Стилистические особенности лирики Игоря Северянина

Стилистические особенности лирики Игоря Северянина во многом обусловлены принципами эгофутуризма: «1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразии метров»¹.

1. Игорь Северянин — лирик, «поэт с открытой душой», как сказал о нем А. Блок. И именно душа в разных ее «отражениях» составляет основу творчества поэта. Однако основной «лирической героиней» душа стала не сразу. В первых поэтических опытах Северянина она зачастую выступала как традиционный литературный штамп: *душа поэта* («Нарва», «Эст-Тойла»), *душа певца* («Раз навсегда»), *пыланье молодой... вдохновенной души* («У Сологуба», «Врубелю») — частый образ русской классической поэзии. Северянинская *душа* тоже *поэт* («Весенний день», «Тоска о Сканде») — это пример поэтической фразеологии XIX в. Однако в целом ряде стихотворений поэта *душа* становится некой постоянно меняющейся сущностью. Она может *скрывать* («Тютчев»), *заключать* в себе *миры* («Роллан»), ее можно *погрузить в букет цветов* («Букет забвенья») или *кружева вспененные* («Шопен»). *Душа вселенной* «живет» в человеке («Таргор»), а в ненастный день может *взойти как солнце* («Эпилог»). Постоянная метаморфоза — неотъемлемый атрибут данного образа. *Душа* у Северянина подобна воде: она может *литься* («Диссонандо»), *иссякнуть* («Байкал»), в ней *поток* («Поэза маковых полей»), она *солона прибоим* («Крымская трагикомедия»). Ассоциативный ряд понятия очень широк, поэтому невещественное

может восприниматься как вещественное, осязаемое, видимое и даже способное совершать действия.

Одна из особенностей северянинской поэтики — включение этимологически близких структурно-семантических полей; в нашем случае это «воздух», «дыхание», «дух»:

Как дышит ночь душисто в душу Ванде!
(«Ванда», 1908); Душа и воздух скованы в кристалле. («Бунин», 1925).

Итак, северянинская *душа* подобна воде и воздуху. «Прозрачность» — физическое качество воздуха и воды — понимается не только как ясность смысла, но и как «чистота». Семантика «прозрачности» в произведениях поэта становится ярким положительным оценочным маркером:

Я говорю *прозрачно*. («Солнечный дикарь», 1924); Душа его *ясна*. («Виснапу», 1933); В те времена, когда роились грезы В сердцах людей, *прозрачны и ясны...* («Классические розы», 1925).

Разнообразие входящих в понятие «душа» структурно-семантических полей подтверждает действительную значимость данного концепта в творчестве Игоря Северянина. Обращение к душе не просто дань традиции, декларативный лозунг. Душа — сущность всего, самое главное, «единственная истина».

2. «Самоутверждение личности» — лозунг, декларативно заявленный в стихотворении «Эпилог». Поэт уподобляет себя Иисусу Христу:

Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — месть.

Для раскрытия этой темы автор использует соответствующую лексику: старославянизмы и элементы старославянизмов (*повсеградно*, *взорлил*, *тлен*, *зане* и т.д.), библейские образы (*голубь*, *змея*, *прозрение*). Призыв к всеобщей любви (*Лети, голубка, смело к змею! / / Змея, обвей орла в ответ!*) подтверждает мотив пришествия нового пророка, равного Иисусу.

Ср. в «Книге пророка Исайи»:

¹ Северянин И. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. — М., 1990. — С. 384.

Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их... И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. (11, 6–8)

Стихотворение целенаправленно эпатажирует читателя. Однако смысл «Эпилога» все-таки иной. Поэт утверждает, что человек способен на многое, нужно только сказать себе: «Я буду!».

«Самоутверждение личности» реализуется в стихотворениях поэта, развивающих классическую тему русской поэзии XIX в. «Поэт и толпа»: «Поэт», «Раз навсегда», «Сонет», «Интродукция» и др. «Эпилог», в отличие от перечисленных выше стихотворений, более откровенен, резок. В нем все подчеркнуто гротескно, эмоционально, экспрессивно и эпатажно. Но по сути он также посвящен теме «Поэт и толпа».

3. Постулат эгофутуризма «Поиски нового без отвергания старого» отражает связь с русской классической литературой XIX в. Преемственность проявляется в интертекстовых связях, общности тематики, употреблении элементов книжной речи, архаизмов, старославянизмов и варваризмов. Отметим также метафоры «с заранее готовой образностью» — с семантикой «пения»: *лира, песня, пой* и т.д.

Преемственность проявляется и в использовании абстрактной лексики. Персонифицированные абстрактные понятия характерны для поэзии XIX в.; ср. традиционные *Любовь, Слава, Надежда, Счастье...* Им свойственна высокая эмоционально-экспрессивная окраска и аллегоричность, а значит — статичность ассоциаций. Северянин (особенно в позднем творчестве) воспринимает персонифицированные понятия как некие сущности, зачастую оживающие и способные к самостоятельным действиям, следовательно, не статичные и не предсказуемые:

Когда же свой оскал явила Смерть... («Блок»);
Теперь тебя, свои покинув норы,
Готова славить даже Суета. («Бетховен»).

Основываясь на традициях русской классической литературы, основоположник эгофутуризма создает собственную образность, отражающую его картину мира.

4. Исследователи творчества Северянина неоднократно отмечали особенности строения некоторых групп неологизмов. Пытаясь выразить нужные смысловые оттенки, поэт часто использует сращение наречий и имен прилагательных при дефисном написании слова. Данную группу слов можно отнести к авторским новообразованиям: *море благостно-закатно, улыбка безлучно-стальная, воздух лазурно-крылат, лилово-изнеженный крен, ало-желчный лесосон* и т.д. Эпитеты отражают авторскую оценку образа, видение и ощущение (синестезия образного ряда) мира. Северянин стремится максимально наполнить слово, совместить наглядно-чувственные и понятийно-логические компоненты. Неразрывность впечатления, внутреннее единство, гармония метафоры подчеркиваются дефисным написанием сложных прилагательных (что, отметим, в XIX в. было наиболее характерно для В. А. Жуковского²). Северянин пытается создавать «новое без отвергания старого». Занимаясь словотворчеством, автор активно использует сложение и интерфиксацию: *оркестромелодия, златополдень, юнокудрость* и под. Образование глаголов и глагольных форм (полных и кратких причастий) от существительного при помощи префикса *о-* — характерный северянинский прием. Префикс передает семантику действия, метаморфозы, изменения действительности (природы) и глубокого восприятия всего этого человеком:

Июль блестяще *осенокошен* (...) Я *онебесен!*
Я *онездешен!* («В осенокошенном июле»).

Для современного русского языка, как, впрочем, и для языка XIX–XX вв., данная словообразовательная модель не является продуктивной. Но в «Полном Церковно-славянском словаре» (1900) Г. Дьяченко много подобного рода примеров: *онебесити, онеистовити, онеплодствитися*. Использование богатства русского и церковнославянского языков и талант словотворца послужили Северянину основой для созда-

² См. об этом: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Лексика и общие замечания о слоге. — Киев, 1957.

ния оригинальных, эмоционально окрашенных, наполненных экспрессией окказионализмов.

Стилизуя текст, поэт зачастую включает образность, «позаимствованную» у героев своих произведений (см. цикл «Медальоны»), превращая ее в элемент своего идиостиля: «Его уста — *орозненная язва*». («Оскар Уайльд»). Северянин создает окказиональный оксюморон (*орозненная язва — язва в розах*), отталкиваясь от строк из «Баллады Реддингской тюрьмы» О. Уайльда).

5. Положение эгофутуризма «Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы» требует пояснения. Под ассонансами поэт понимает созвучие, повтор гласных (ассонанс) или согласных звуков (аллитерацию), под диссонансами — сочетание звуков, вызывающих ощущение несогласованности. Семантико-фонетические единства с элементами какофонии встречаются в произведениях Северянина нечасто: «Так: ядосмех сменяла скорби спазма» («Уайльд»). Какофонический эффект (переизбыток свистящих) иллюстрирует отрицательную семантику слов, передает чувства героя или автора, показывает, какова эта «скорби спазма». Другой пример: «И жаждет чувств чужих как рыбарь — клёва». («Георгий Иванов»). Фрикативные [ж], слитные [ч], заднеязычное [к], нагромождение согласных в слове *чувств* создают неблагоприятное отношение к персонажу и его творчеству.

Ассонансы, выражая стремление к внутренней гармонии стиха, часто являются доминирующим фонетическим приемом в тексте:

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Всё душа, и ни души.

Всё — мечта, всё — божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

Лес — как сказочный камыш,
А камыш — как лес-малыш.
Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь.

Кольхается туман —
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман...

Как душиста, хороша
Белых яблонь пороша...
Ни души, и всё — душа!
(«Nokturn», 1908).

В этом стихотворении мы видим многоуровневость аллитерации. [ш] доминирует (звук входит в основное понятие творчества и стихотворения — «душа»). Аллитерация второго порядка ([в], [к], [м], [л]), организуют семантико-фонетические поля терцетов. Аллитерация [с], заданная в первом трехстишии, почти незаметно проходит через первые терцеты. Ноктюрн, «ночная песня» — многочастное инструментальное музыкальное произведение, и каждый звук сонета ассоциируется с голосом какого либо инструмента, сопровождающего основное звучание [ш] в своем терцете. Аллитерация [ш] организует мелодику стиха, передает основные тоны — шелест камыша, звуки ночной тишины. Музыкальность определяется и перетекающими друг в друга, плавно меняющимися ассонансами [а], [ы], [у] — [о], [е] — [е], [а], [ы].

Значение ассонансов в лирике Северянина чрезвычайно разнообразно: конструирование семантико-фонетических единств, ассоциативных и интертекстовых связей, эмоционально-экспрессивная окраска текста, передача звучания и — затихания, отсутствия звука.

Первая часть постулата «смелые образы и эпитеты» реализуется через метафоры, сравнения, прозопопеи, ассоциации, синестетические образы, противопоставления и оксюмороны. Все это представляется поэтической трансформацией потока ощущений. Ср.:

Все эти краски ароматов, всю филигранность настроений
Я ощущаю белой ночью у моря, спящего
в стекле,
Когда, не утопая, тонет лимон луны в его сирени
И, от себя изнемогая, сирень всех нежит на земле.
(«Berceuse сирени»).

Конкретизация лексики, ее овеществление, объясняется полирецепторным восприятием автора. Синестезия образного ряда — характерная черта лирики Северянина. Основоположнику эгофутуризма свойственно восприятие нематериального, невещественного как материального (*филигранность настроений*), обладающего цветом (*краски ароматов*), движением (*лимон* (отражение) луны *тонет*), запахом. Вос-

приятие эмоции, чувства часто передается метафорой со значением «течение», «вода», подчеркивает полноту, всеобщность потока ощущений:

И цветущей волной деревень Заливает нас в мае сирень. («На земле в красоте»); Слух пьет узор нюансов увертюры. («Тома»); «Еще хрустальные сочатся капли Ключистого таланта босяка. («Горький»).

Метафоричность обусловлена не желанием украсить стих, а особенностью восприятия автора. Метафора, как известно, — это восприятие информации на другом уровне ощущения. Троп «звучит», когда человек не просто говорит, но и чувствует подобным образом. Активизируя с помощью синестезии чувственно-образное восприятие читателей, автор создает собственный мир, не менее реальный, чем окружающая его действительность.

6. Лозунг «Борьба со “стереотипами” и “заставками” — стилистическая «установка» Северянина. А стилистическая установка поэта отражает его картину мира. Реальность полна противоречий и многогранна. И в творчестве Северянина мы встречаем контаминацию различных приемов. Многослойность сравнений отражает объемное видение мира, каждая часть и движение которого иллюстрируются определенным лингвистическим элементом, имеющим одну или несколько функций. Восприятие постоянно меняющегося мира человеком лежит в основе лирики Северянина, и это откровенно декларируется в строках стихотворения «Гармония контрастов» (1935):

Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу...
Застыть пристойно изваяню,
А не живому существу!

Стихотворение фактически дублирует утверждения французского философа Анри Бергсона (1859–1941) из книги «Творческая эволюция» (1907): «Мы только ищем точный смысл, какой придает наше сознание слову «существовать», и мы находим, что для сознательного существа это значит изменяться. <...> Ибо «я», которое не меняется, — не длится; и психологическое состояние, остающееся тождественным

самому себе, пока не сменится следующим состоянием, — также не длится», «перестать изменяться — значит перестать жить».

Лозунг эгофутуризма «Борьба со “стереотипами” и “заставками”» Северянин реализует созданием оксюморонов, которые отражают оригинальность мышления автора и парадоксальность действительности. Здесь *разумничает Недоразуменье* («Пастернак»), существует *живучая нежить* («Прутков»), а *животворящие лучи солнца смертельны* («Сологуб»). Но человек может *любить Любовь и Смерть* («Блок») и *воплощать невоплощаемое* («Бетховен»). Многообразие оксюморонов у Северянина — это не только следствие обостренного восприятия мира, но и попытка объединить противоречия, создав единую картину мира.

7. Постулат «Разнообразие метров» Северянин реализует, экспериментируя с различными стихотворными формами. Стансы, триолет, октава, рондо, рондель, секстина, квинтина, сонет и т.д. широко представлены в его лирике. Баллады, элегии характеризуют Северянина как наследника русской и общеевропейской литературной традиции; газеллы содержат элементы поэзии Востока; для поэзы характерны экспрессия, эмоциональность, глобальность настроения или смысла, динамика в развитии темы, оригинальность рифм, лиризм, ярко выраженная позиция «я». Особо отметим синестезию при создании новых стихотворных форм/жанров. «Nokturn», «Verceuse», «Интермеццо», «Увертюра», «Хабанера», «Рондо», «Фантазия», «Серенада» и т.д. непосредственно связаны с музыкой. «Эскиз», «Аquareль» являются отражением зрительных ассоциаций, раскрывают цветовую гамму образов.

Игорь Северянин писал о себе: «Я — лирик, но я — и ироник». Такая самохарактеристика была свойственна раннему Северянину. Со временем стиль его поэтики изменился, однако устойчивое стремление к оригинальности рифм, разнообразию ритмов, мастерское владение просодией текста и мелодикой стиха характеризуют все творчество этого талантливейшего поэта XX в.